

Г. Б. Романовский
доктор юридических наук,
заведующий кафедрой уголовного права
Пензенского государственного университета
(г. Пенза, Российская Федерация)

УДК 347.631.21

ПОНЯТИЕ МАТЕРИНСТВА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Рассматривается понятие материнства как правовая ценность и как объект защиты различных отраслей права. Одновременно выделяются проблемы содержания указанного состояния с учетом репродуктивных технологий, в частности суррогатного материнства.

Ключевые слова: социальное государство, семья, право на материнство, репродуктивные технологии, суррогатное материнство.

Материнство в Российской Федерации является конституционной ценностью. Ст. 7 Конституции РФ, определяя Россию как социальное государство, устанавливает, что это обеспечивается, в том числе, государственной поддержкой материнства. Статья 38 Конституции развивает данное положение: «Материнство и детство, семья находятся под защитой государства». Согласно ст. 72 Конституции защита материнства относится к предмету совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. Судья Конституционного Суда РФ в отставке Н. В. Витрук включает в социально-правовой статус личности права и законные интересы, связанные с государственной защитой семьи, материнства, отцовства и детства [1].

Несмотря на неоднократное упоминание в основном законе страны данной категории, материнство не является предметом глубоких исследований ученых-юристов. Большинство работ сводится к анализу мер социальной поддержки будущих матерей или женщин, имеющих детей. Так, в работе Н. В. Гуль подчеркивается, что защита государством материнства носит комплексный социально-экономический и правовой характер, осуществляется путем принятия государством разнообразных мер по его поощрению, охране интересов матери и ребенка, укреплению семьи, обеспечению семейных прав каждого. Предлагается выработать концепцию об охране материнства, детства и семьи, на основе которой принять комплексный нормативно-правовой акт — Федеральный закон «О защите материнства, детства и семьи», разъясняющий специфические особенности защиты прав материнства, детства и семьи, закрепляющий разработанный механизм реализации этих прав, основанный на гарантиях социально-экономического и юридического характера, а также основанный на взаимодействии и координации всех заинтересованных в этом процессе государственных и общественных организаций, уполномоченных на то должностных лиц, различных структур и ведомств [2]. В этой связи нельзя не упомянуть Определение Конституционного Суда РФ от 2 октября 2003 г. № 382-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности положений статей 8, 15 и 17 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» [3], в котором четко выражена современная идея государственной поддержки материнства: «Признавая необходимость государственной поддержки материнства и детства, одной из форм которой является предоставление соответствующих видов государственных пособий, Конституция Российской

Федерации тем самым предполагает создание для соответствующей категории граждан условий, обеспечивающих их достойную жизнь и выполнение ими социальных функций, связанных, в частности, с материнством и детством. Вместе с тем закрепление в Конституции Российской Федерации обязанности государства по защите материнства и детства, семьи не подразумевает право этих граждан на получение определенных денежных сумм».

В диссертационных исследованиях материнству также уделяется мало внимания. Авторы в большей мере останавливаются на анализе позитивных действий со стороны государства, направленных на поощрение материнства. Например, О. В. Соколова выделяет основные направления государственной политики в области защиты материнства и детства:

- возрождение приоритета семьи, семейных традиций, укрепление статуса семьи;
- формирование ответственного родительства и сокращение социального сиротства;
- создание условий для воспитания ребенка в семье и самореализации его как полноправного члена общества;
- поддержка семьи, как естественной среды жизнеобитания детей;
- социальная защита семьи, материнства и детства;
- проведение социально ориентированной демографической политики;
- приведение норм внутригосударственного законодательства в соответствии с международными нормами о защите материнства и детства [4, с. 8].

О. С. Ростова анализирует правовую охрану (точнее меры социальной поддержки) материнства и детства в историческом аспекте [5], а М. В. Киселева останавливается исключительно на уголовно-правовом аспекте охраны материнства [6]. Только О. В. Кузнецова делает попытку определить материнство как конституционно-правовую категорию, обозначая его как особое состояние женщины–матери (преимущественно в период беременности и младенческих лет ребенка). Понятие материнства не сводится только к биологическим аспектам репродуктивной способности; его нельзя ограничивать отношениями между матерью и ребенком непосредственно после родов и в первый год жизни. Понятие материнства охватывает родственную связь матери и детей и в более старшем возрасте, осознание ею позитивной ответственности за здоровье и нормальное развитие детей, реализацию прав и исполнение обязанностей по отношению к детям, эмоциональные отношения с ними [7, с. 11].

Подводя некоторый итог, можно заключить, что материнство является правовым состоянием и включает в себя несколько аспектов. *Во-первых*, саму возможность решать вопросы своего материнства, которая охватывает различный спектр вариантов поведения:

- право женщины иметь ребёнка;
- право женщины на выбор поведения, связанный с отказом от материнства (воздержание от сексуальных контактов, вступление в интимные связи без цели продолжения потомства, добровольная стерилизация и т.д.); данное право не может быть ограничено ни со стороны законодателя (закон не должен обязывать женщину производить потомство), ни со стороны сексуального партнёра;
- право женщины в вопросах выбора контрацептивов.

Во-вторых — состояние материнства, когда речь идет об установлении устойчивой правовой связи между матерью и ребенком. Этот аспект охватывается различным спектром правомочий: от права на уважение семейной жизни до комплекса прав, закрепляемых в семейном законодательстве. Данное состояние не прекращается с достижением детей совершеннолетия.

В-третьих, право должно реагировать на возможность матери отказа от материнства. Так, российское законодательство регулирует отношения, связанные с отказом от собственных детей и их последующим устройством.

В любом случае материнство непосредственно связано с деторождением — монополией женщины. Даже если гипотетически допустить рождение ребенка мужчиной, это все равно будет иметь характер отцовства. Соответственно, материнство связано также с половым различием мужчины и женщины.

В настоящее время анализ понятия материнства усложняется из-за развития репродуктивных технологий, направленных на корректировку давно устоявшегося принципа: «мать та, которая родила». Например, при суррогатном материнстве рождение происходит для других будущих родителей, которые при этом таковыми являются по генетическим показателям (ребенок на заказ). Соответственно создается почва для споров: кто именно будет выступать юридической матерью, та, которая родила или та, чья яйцеклетка была оплодотворена. Проблема обостряется при наличии вариантов суррогатного материнства. Донором яйцеклетки может выступать третья женщина. В этом случае спор о материнстве может происходить между тремя женщинами: суррогатной матерью, женщиной заказчицей и женщиной-донором. Аналогичные споры могут быть и при определении отцовства. Суррогатная мать может находиться в супружеских отношениях, а оплодотворение яйцеклетки возможно донорской спермой. Тогда мужская половина программы представлена мужем суррогатной матери, мужем женщины-заказчицы и донором спермы. Вариативность признания родительских отношений также может быть весьма разнообразной и учитывать интересы каждого из названных субъектов.

В российской юридической литературе сложились три основные точки зрения на природу отношений в вопросе определения родительских отношений. Первая не подвергает сомнению общее правило: Мать — всегда та, которая родила. Вторая исходит из того, что ребенку передаются генетические особенности того организма, из чьего «материала» он сделан. Как отмечает М. Н. Малеина: «Общей и главной чертой размножения человека является объединение в диплоидной клетке генетического материала двух различных зародышевых клеток. Таким образом биологическое родство определяется генетическим материалом, а не вынашиванием зародыша в теле женщины» [8, с. 98–99]. Соответственно мать — это женщина, давшая яйцеклетку, отец — тот, чей спермой она была оплодотворена. Третья точка зрения предлагает компромисс: биологическая и генетическая мать имеют юридические права на признание материнства. То есть за ребенком признается наличие двух матерей [9, с. 173–174]. В отечественной юридической науке высказывалось предложение о признании «двойного» материнства и отцовства как за супругами, решившимися на суррогатное материнство, так и за донорами, суррогатной матерью. Такое «двоематие» («двоепapie»), а то и «троематие» («троепapie»), внесет полную неразбериху, которая отразится на психологическом состоянии ребенка. В то же время развитие ВРТ порождает тенденцию к отходу от традиционных приемов, используемых семейным законодательством в регулировании родительских отношений. Например, Т. И. Максимец предлагает поднять престиж суррогатной матери, допустив пролонгирование отношений в «группе» родителей: «Иногда обездоленность женщины в условиях равнодушного материализованного мира не дает ей возможности стать матерью, так как у нее нет шансов обеспечить ребенка минимумом необходимого. В таком случае материнство, пусть даже и суррогатное, дарит ей детей. Генетические родители ребенка играют позитивную роль в судьбе суррогатной матери, предоставляя ей жизненную цель, как правило, в трудный этап ее жизни, опекая и заботясь о ней как о члене семьи. В условиях уважения функции суррогатной матери возможно ее почетное место в этой надродовой общности, что позволяет ей вынашивать ребенка с любовью, свойственной естественному материнству. Можно предположить вынашивание ею детей для данной семьи повторно, что обеспечило бы укрепление семьи и право ребенка на единокровных братьев и сестер» [10]. Мысль высказано несколько невнятно, но даже из этого можно понять, что автор предлагает исключить понимание суррогатной матери как продукта одноразового пользования. Необходимо включение ее в состав

семьи генетических родителей. Тем самым по замыслу автора решается несколько проблем. Есть малообеспеченные женщины, которые могли бы рожать детей и тем самым познать радость материнства, продолжая ухаживать за рожденными ими детьми. Есть генетические родители, которые материально обеспечены, но не имеют возможности естественным путем зачать собственного ребенка. Некий вариант кормилицы, привлекаемой раньше дворянскими семьями для вскармливания ребенка, дабы у «благородной мамы» не обвисала грудь. По-видимому, отсутствие ясной картины, каким именно членом семьи будет суррогатная мать, не позволил Т. И. Максимец высказаться с конкретным предложением о внесении изменений в семейное законодательство.

Необходимо отметить, что определенные проблемы в программах суррогатного материнства — это визитная карточка самой программы. Так, окончание программы суррогатного материнства может быть и другим — генетические родители могут отказаться от рожденного ребенка. В январе 1983 г. на суд публики была вынесена неприглядная история. 26-летняя Джуди Стайвер из Мичигана по контракту с 46-летним Александром Малаховым из Нью-Йорка родила физически неполноценного младенца (что привело к умственной отсталости). Малахов развелся с женой во время беременности, но первоначально принял ребенка, думая, что он станет причиной воссоединения с женой, и даже решил его крестить. Но вскоре отказался от него, ссылаясь, что не приходится генетическим отцом (что и было подтверждено медицинскими тестами). В первые дни жизни был даже спор между Стайвер и Малаховым по поводу лечения ребенка от инфекционного заболевания. Малахов был против терапии, но Стайвер было безразлично, из-за чего суд дал распоряжение о лечении ребенка [11]. Несмотря на то, что была произведена инсеминация спермой Малахова, оплодотворение произошло в силу каких-то причин спермой мужа Стайвер. После этого иски посыпались друг на друга. Малахов подал иск против Джуди Стайвер из-за нарушения договора, Стайвер подала в суд на Малахова за вмешательство в частную жизнь. Оба они подали в суд на контору Кина (посредника в программе) и четырех докторов [12]. Практически все иски были отклонены на основании того, что рождение ребенка не может быть предметом коммерческого соглашения [13].

В случае отказа генетических родителей от ребенка возникает несколько вопросов: кто будет записан в качестве родителей, если и биологическая мать отказывается от ребенка? Кто будет нести бремя обязанностей по отношению к ребенку? Каковы последствия не востребованости ребенка? Российское законодательство с принятием Семейного кодекса РФ впервые попыталось урегулировать взаимоотношения заменяющей матери и генетических родителей в 1995 г. Тем самым семейное законодательство отреагировало на уже сложившиеся обстоятельства — программа «Суррогатное материнство» уже действовала на территории России. Однако ст. 51 СК РФ устанавливает порядок записи родителей ребенка в книге записей рождений. Как и в случае с искусственным оплодотворением женщины донорским материалом, общий принцип признания материнства и отцовства не подвергается сомнению. В этой статье речь идет именно о записи родителей, то есть о закреплении юридических отношений между родителями и ребенком. Биология остаётся «за кадром». П. 4 ст. 51 СК РФ закрепляет: «Лица, состоящие в браке между собой и давшие свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери)». Тем самым приоритет устанавливается за биологической матерью.

Решение многих вопросов при коррекции понятия материнства в условиях развития репродуктивных технологий выдвинулось при принятии Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [14], но данный нормативный акт не оправдал надежд. Статья 52 Закона

констатирует: «Материнство в Российской Федерации охраняется и поощряется государством». Вспомнив об упомянутом Определении Конституционного Суда РФ от 2 октября 2003 г., можно выделить значение такой политики: «поощрение есть, но права на поощрение нет». Применительно к вспомогательным репродуктивным технологиям закон также фактически не пошел дальше констатации: «Суррогатное материнство представляет собой вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям» (часть 9). Таким образом репродуктивные технологии серьезно «покушаются» на многие устоявшиеся правовые принципы, среди которых — мать та, которая родила. Это обуславливает поиск новых определений понятия материнства, которые в обязательном порядке должны учитывать следующие аспекты: гендерные особенности правового статуса женщины в вопросах деторождения, интересы будущего ребенка, обязанность государства защищать семью, материнство, отцовство и детство. Но даже беглый анализ показывает, что легких решений столь сложных проблем не будет. Это лишний раз должно подчеркнуть необходимость взвешенного научного анализа со стороны представителей различных наук. Однако последнее слово останется за юриспруденцией, поскольку она «отвечает» за правильное формулирование правил поведения, имеющих силу закона, а значит, обязательных для всех, гарантированных силой государства. Соответственно любые неточности, противоречия, правотворческие ошибки будут порождать неисполнение духа и буквы закона, вводя в заблуждение правоприменителя, создавая гражданам препятствия при реализации своих основных прав.

Список использованных источников

1. *Витрук, Н. В.* Общая теория правового положения личности [Текст] / Н. В. Витрук. — М. : Норма, 2008. — 448 с.
2. *Гуль, Н. В.* Конституционное право на защиту семьи, материнства и детства [Текст] / Н. В. Гуль // Журнал российского права. — 2007. — № 4. — С. 45–51.
3. Определение Конституционного Суда РФ «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности положений статей 8, 15 и 17 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» от 02.10.2003 г. № 382-О [Текст] // Вестник Конституционного Суда РФ. — 2004. — № 1.
4. *Соколова, О. В.* Правовые основы деятельности органов местного самоуправления в сфере защиты материнства и детства [Текст] : автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. юрид. наук : спец. 12.00.02 «Конституционное право; муниципальное право» / О. В. Соколова. — М., 1998. — 19 с.
5. *Ростова, О. С.* Правовая охрана материнства и детства в советском государстве [Текст] : автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. юрид. наук : спец. 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» / О. С. Ростова. — Саратов, 2007. — 29 с.
6. *Киселева, М. В.* Уголовно-правовая охрана материнства [Текст] : автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. юрид. наук : спец. 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» / М. В. Киселева. — М., 2010. — 29 с.
7. *Кузнецова, О. В.* Конституционно-правовая защита семьи, материнства, отцовства и детства в России [Текст] : автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. юрид. наук : спец. 12.00.02 «Конституционное право; муниципальное право» / О. В. Кузнецова. — Челябинск, 2004. — 24 с.
8. *Малеина, М. Н.* Человек и медицина в современном праве [Текст] / М. Н. Малеина. — М. : БЕК, 1995. — 272 с.
9. *Дргонец, Я.* Современная медицина и право [Текст] / Я. Дргонец, П. Холлендер. — М. : Юрид. лит., 1991. — 336 с.

10. *Максимец, Т. И.* Эффективность правового регулирования суррогатного материнства [Текст] / Т. И. Максимец // Медицинское право. — 2009. — № 1. — С. 50–52.
11. *Rosenblatt, R.* Essay: The Baby in the Factory / Roger Rosenblatt // Time. — 1983. — 14 Feb. [Electronic Resource] TIME.com. — URL : <http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,953729,00.html>.
12. *Small, M.* Baby Sellers or Sisters of Mercy? Surrogate Mothers Give Birth to a Legal Debate / Michael Small // People. — 1983. Vol. 19. — No. 23. — June 13 [Electronic Resource] People.com. — URL : <http://www.people.com/people/archive/article/0,,20085249,00.html>.
13. *Waller, L.* Borne for Another / L. Waller // Monash University Law Review. — 1984 — P. 113–130 [Electronic Resource] Australasian Legal Information Institute (AustLII). — URL : <http://www.austlii.edu.au/au/journals/MonashULawRw/1984/5.pdf>.
14. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон Российской Федерации от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ [Текст] // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 48. — Ст. 6724.

Надійшла до редакції 20.02.2012

Романовський Г. Б. *Поняття материнства в умовах розвитку репродуктивних технологій*
Розглядається поняття материнства як правова цінність і як об'єкт захисту різних галузей права. Одночасно виділяються проблеми змісту зазначеного стану з урахуванням репродуктивних технологій, зокрема сурогатного материнства.

Ключові слова: *соціальна держава, сім'я, право на материнство, репродуктивні технології, сурогатне материнство.*

Romanovskiy, G. B. *Notion of Motherhood in the Conditions of Reproductive Technology Development*

The notions of motherhood as a legal value and the object of protection of various areas of law. At the same time highlighted the problem of the content of this state including reproductive technologies, including surrogacy.

Key words: *social state, the family, the right to motherhood, reproductive technologies, surrogacy.*

